Татьяна и Сергей Никитины, 2003

Татьяна: Песни Булата Окуджавы появились у нас в Душанбе в конце 50-х, я тогда еще в школе училась. Была весна, много было разговоров о Сталине, о Хрущеве, о XX съезде КПСС. В Душанбе приезжали бывшие узники лагерей, друзья родителей. И вот в такой атмосфере взрослых разговоров, надежд, радости и волнений кто-то принес магнитофонную катушку. Из-за нее в доме появился огромный неуклюжий магнитофон «Днепр», который вечно ломался. Я помню отчетливо тот день, когда услышала этот совершенно незнакомый, какой-то хрупкий, высокий, немножко дрожащий льющийся голос! Что это такое? Откуда эти слова, эта гитара? Почему всё по-другому? Во мне сопротивлялось всё мое «пионерское» воспитание, но я уже не могла оторваться от этого несчастного, ненавистного «Днепра». Б.Окуджава захватил мою душу и уже не отпускал никогда-никогда!

Сергей: Я тогда был тоже школьником, но в Москве. Не помню, как это было, когда впервые услышал Булата с магнитофона, но помню самое главное чувство – это мое! Появилось жгучее желание взять в руки гитару и петь эти песни самому, для себя, для своих ближайших друзей. И еще помню: мы с двумя одноклассниками ходили с гитарой в Парк культуры имени Горького, пристраивались возле скамейки, запевали «Из окон корочкой », потом «Во дворе, где каждый вечер…», «Когда мне невмочь…». Постепенно собирался народ. И было такое чувство, что происходит что-то очень важное и нужное. Но потом приходил милиционер и всех разгонял: не положено! А мы переходили к другой скамейке, и люди потихоньку подтягивались, и всё начиналось сначала.

Татьяна: До сих пор для меня загадка: как смог он поместить в скромный жанр песни такой огромный и важный мир?! Строки его стихов, как летучие формулы, определили нашу жизнь. Что было главное в нем? Абсолютная свобода? Чувство меры? Поэтический талант? Свежесть и неожиданность мелодий? Или просто то, что зовется волшебством?

Сергей: Бывало так, что забудешь какие-то слова в песне Б.Окуджавы и пытаешься вспомнить. Невольно начинаешь «сочинять». И тут обнаруживаешь, что все неправильные варианты как бы сами собой отторгаются по причине, что ли, генетической несовместимости, и ты приходишь к тому единственному Слову, которое и было у автора. Да и по жизни нечто схожее происходило. Булат уберегал от суеты. Стыдно становилось.

Татьяна и Сергей: Мы познакомились с Булатом в 68-м. Намечался его вечер в ЦДЛ. Очень хотелось туда попасть! И вот удача – наш друг по физфаку МГУ Гена Иванов познакомился (на автобусной остановке!) с молодой француженкой по имени Вивьен. А у нее была пластинка Окуджавы, только что вышедшая в Париже. Как потом выяснилось, у самого Булата

Phoca PDF

был только один экземпляр, и его жалко было лишний раз проигрывать. Так вот, все мы прицепились к этой пластинке и таким образом попали на вечер Окуджавы в ЦДЛ. Какое это было счастье! Когда мы здоровались с Б.Ш., он вдруг спрашивает: « А это вы поете про пони?» (песня на стихи Юнны Мориц) И тихонечко так и абсолютно верно напевает: «Пони девочек катает!» Это было так неожиданно – сам Булат знает что-то из нашего…

Про концерт рассказывать очень трудно – кому довелось слушать Б.Ш., тот знает, что имеется ввиду. Во-первых, каждый раз, как впервые. Во-вторых, все, что происходит, обращено прямо к тебе. А как передать ощущение лада, гармонии с одновременным пониманием трагичности этой жизни? И все это – интонация Булата Окуджавы! После концерта все были в таком приподнятом, праздничном состоянии, что казалось немыслимым не продолжить общение. В результате Б.Ш. со своей очаровательной Ольгой приглашают, в том числе и нашу компанию при пластинке, к себе на Речной вокзал. Кто-то ловит такой небольшой автофургон для уборки улиц, туда помещается большая компания, и рождается шутка: едем, заметая следы.

Потом было много всего. Были совместные выступления. А в течение нескольких лет, в августе, – отдых на турбазе Дома ученых на реке Гауе. Это было счастье, хотя быт был очень простой. Более десяти лет московский Дом ученых арендовал участок леса вдоль реки Гауя недалеко от границы Латвии с Эстонией. В июле и августе там ставились палатки человек на сто. Из Москвы приезжали повара, и начинался летний праздник. Мы присоединились к августовской смене позже других. Нам досталось место у торца большой поляны. Через две палатки обитали Гердты. Они были старожилами, поэтому, когда ставили нашу палатку, пришел Зиновий Ефимович и «контрольно наблюдал», чтобы всё было в порядке. На базе отдыхали научные работники с семьями. Следовало быть не менее чем кандидатом наук, в крайнем случае академиком. Исключения были сделаны лишь для семей Гердтов и Окуджавы. Существовал как бы негласный договор: 24 дня потакать друг другу, стараться быть милыми и добрыми. Это была хорошая игра, в которой на самом деле из-под масок всё равно проглядывало подлинное лицо героя. Вопрос был в том, насколько маска отличалась от реальности. К счастью, многим не нужно было слыть, достаточно было быть. На базе жили коммуной, вместе ездили по грибы и ягоды, дежурили по очереди в столовой, ездили в баню и по малым городам Латвии и Эстонии.

Те, кто жил в торце поляны, организовали кафе «Вечерний звон»: длинный стол со скамьями из грубых досок и люстра – обод тележного колеса со свечками. Здесь пили кофе и чай в пять часов и собирались после обильных вкуснейших обедов и ужинов снова подзакусить и выпить по рюмочке. Директор базы, видя, что мы опять что-то жуем после столовой, в ужасе хваталась за голову.

После нашего знакомства с Б. Ш. был большой промежуток времени, когда

Phoca PDF

мы практически «домами» не общались. В общем-то этого не было никогда - такого тесного общения, но отдых на Гауе нас все-таки сильно сроднил. Здесь Б. Ш. не был человеком со сцены, а одним из нас. Более того, он стремился как бы затаиться среди нас, не быть отличным, не быть на виду - в скромном «ватничке», всегда сосредоточенный и серьезный, голос негромкий, исключительно сдержанный во всех проявлениях эмоций.

Булат на Гауе работал и, когда ему писалось хорошо, глаза его веселели, и он чаще улыбался себе в усы. Во время наших посиделок Булат Шалвович охотно уступал первенство Зяме Гердту и тихо, расслабленно отдыхал в этой атмосфере шуток и трепа. Казалось, Булата стесняло то, что от него окружающие ждали, как от Моисея, каких-то умных и значительных изречений. Было ощущение, что его страшно тяготит, а иногда так просто злит повышенное и даже благоговейное внимание людей. Это его отвлекало от чего-то важного и главного, что он носил внутри себя. Может, поэтому из года в год он приезжал с семьей на турбазу Гауя. Здесь его не донимали, и он был просто Булатом Шалвовичем. Но конечно, это была такая особая форма почитания нашего кумира - не показать ему, не причинить неудобства своим, если хотите, поклонением.

Вечером Булат уходил в свою персональную палатку раньше всех. Он любил бывать с самим собой один на один. Может, под свет нескольких свечек, которые горели там, у него рождалось что-то важное, может, он тайно слушал радио под одеялом. (На базе был строгий запрет на всякое радио и теле-звучание). Но когда почти в полночь в «Вечернем звоне» появлялся со своим богатым уловом один и тот же представитель нашей семьи и начиналось жарение большого количества крупной рыбы (мелкая выпускалась, а эта складывалась в майонезные баночки), Булат Шалвович не мог устоять перед божественным запахом и тоже вылезал из своего одиночества «на поесть» с народом как простой человек.

Время, связанное с Гауей, оставило в душе радостный и счастливый свет. Вспоминаются моменты для других, может, и незначительные, а для нас очень дорогие. В таком коммунальном братском житье открывались какие-то очень затаенные черты человека, которые в светском общении никогда люди друг другу не показывают. Эти годы во многом помогли нам лучше почувствовать «природу» Булата Шалвовича - его естественность, простоту, неприятие фальши , его приверженность к одиночеству. Было видно, как иногда тяжко ему было быть знаменитым...

У нас никогда не возникало желания сократить дистанцию с Булатом (к чему нам быть на «ты», к чему?) - так дорожили мы его добрым расположением. Вот и фотографий у нас совместных почти нет. Как-то неловко было, вроде бы свои, так чего приставать с этими глупостями? Лучше новую песню показать (как отреагирует Мастер?) или узнать, нравится ли, как мы поем «Какое небо голубое», «Музыканта» или

Phoca PDF

«Чудесный вальс»?

Осталось навсегда ощущение, что рядом с Б.Ш. были всегда хорошие люди, и не просто хорошие, а люди высшей пробы. Среди них были и наши личные друзья А.М. Палатник и И.И. Ришина. Ирина работала в «Литературке», и через ее жизнь прошли практически все замечательные поэты, писатели, литературные критики, журналисты, все, связанные с миром литературы. Тонкий знаток, чуткий ценитель слова, скромный и благородный человек – Александр Михайлович –гармонично входил в мир ириных друзей и сам становился их другом, Так случилось с Ю.Давыдовым и многими другими. Б.Ш. очень любил бывать у них в Переделкино, и бывали времена, когда семья Ришиной-Палатника была самым сокровенным дружеским кругом Булата. Для нас встречи с Булатом в Переделкино у Ришиных-Палатников были дороги и тем, что мы видели здесь Окуджаву в кругу своих. А какие это были люди! Вспоминается 60-летие незабвенного Алеся Адамовича, которого мы чествовали – «пропивали» на этой даче. Были Юрий Карякин, Андрей Вознесенский, Булат Шалвович, Фазиль Искандер... Элем Климов снимал все на видеокамеру. Б.Ш. чувствовал себя свободно, легко – «среди своих». Гитара? Пожалуй!

– Сережа, настройте для меня пониже. И брал гитару, и пел. А потом мы пели. Д.Самойлова, Ю.Левитанского – тоже «свои». Уже тогда охватывало ощущение, что ты находишься среди людей, которые, как говориться, и есть соль нашей земли. Их ведь очень немного, за кого не просто никогда не стыдно, а кем гордишься, что есть они... «Совесть, благородство и достоинство»! Потом, когда надо было «пробить» музей Б.Ш., все, кто дожили из той компании, помогали этому.

Наверное, есть какая-то высшая справедливость в том, что литературным директором музея Б.Ш.Окуджавы стала Ирина Исааковна Ришина. Она по праву хранит светлый дух этого скромного домика Булата Шалвовича в Переделкино на улице Довженко. Как и для Ольги Владимировны Окуджавы, для Ирины в доме живут не музейные экспонаты, а вещи, которые она видела в руках Булата. Булат Шалвович продолжает парить в этом доме и потому в нем не бывает случайных встреч и вечеров. Любящие друзья берегут ту духовность, которую оставил Булат после себя. Здесь бьется «огонь неистов и упрям» творчества и постоянного рвения жить не хлебом единым... Дай, Бог, чтобы хватило сил надолго.

Почти каждый раз, когда мы виделись с Булатом в Переделкине, он спрашивал, что нового сочинено, и просил исполнить, да мы и сами хотели этого. Его реакция была очень важна для нас. Он любил повторять, что для него главное в песне – интонация, верный тон. Может быть, благодаря влиянию Б.Ш., именно так мы стали петь стихи А.А.Тарковского, именно такая пришла музыка....

Получилось так, что Булат Шалвович иногда приглашал нас в свои концерты. Это всякий раз было особое событие. Он был скуп на похвалы,

Phoca PDF

и оттого его редкие замечания мы очень ценили. Не скроем, как было важно для нас то, что Булат Шалвович дал свое «добро» на выпуск компакт-диска «Часовые любви» с его песнями в нашем исполнении. Мы не просто поем и любим эти песни, они нас формировали, жили в нас всю жизнь. Они – часть нас самих.

Phoca PDF